

ВНЕЗАПНОСТЬ МОДЫ и консервативность культуры

Ирина Щербакова,
учитель, Санкт-Петербург

Вечно ворчат эти старики... И каждое поколение вновь порождает проблему отцов и детей... Только давно уже нет пресловутых бабушек, сидящих на скамейках и готовых обрушиться на тех, кто не вписывается в рамки их представлений. А мы, нынешние родители, сами недополучившие в своё время традиционное народное воспитание, всё чаще клоком недовольством, глядя на оголивших животики девочек, барышень, а то и вовсе молодых женщин. Как они могут это носить? Неужели не зазорно? И куда только смотрят...

Мода... Когда-то и мы подчинились её прихотям и капризам. А теперь недоумеваем: «Почему так беспечна молодёжь?» И если «бабушки нашего детства» пеняли на «стыд» и «срам» коротких

юбок, на чересчур крикливый «клёш», то мы киваем на кризис общественных отношений, на изменившийся мир вокруг, где так много насилия, ненависти и зависти. Но любая мода не может быть случайной. У её истоков — то, что принято называть традиционной культурой народа.

«Что посеешь, то и пожнёшь», — гласит пословица. «Посеешь ветер — пожнёшь бурю» — словно вторит ей другая. Отцы и деды так активно насаждали нигилизм (впрочем, мой отец как раз был сторонником традиционного быта...) и уничтожали деревню — оплот традиционной культуры, что к 60–70-м годам прошлого века город, городская мода, городская психология стали проникать во все сферы жизни и быта.

Позорные клички тех лет — «деревня», «сибирский валенок», «лапоть» — говорили об изменившемся идеале, не соответствовать которому означало не быть принятым в микросоциум. А значит, выделяться, вызывая усмешки и старательно пытаясь «быть похожим на...».

Моя мама, родившаяся в подмосковной деревне и рано уехавшая из дома учиться в Москву, долгое время не могла принять моё увлечение традиционными народными ремёслами, хотя с детства была приучена к рукоделию. Если ей не нравилось что-то в моей одежде, она говорила: «Ну что ты как понёва нарядилась!», причём слово «понёва» приобретало в её устах какой-то уничижительный смысл, и, конечно же, «понёва» не могла быть модной, ведь восходила к деревенскому укладу жизни. А он, деревенский, нам не нравился: мы ощущали себя как минимум строителями большого города, где о прошлом не вспомнят.

Понёва (панёва, понява), понька, плахта (В. Даль) — всё это названия старинной славянской одежды, пришедшей, возможно, ещё из неолита, из эпохи, когда человечество осваивало земледелие и когда зарождались первые ремёсла, в том числе и ткачество.

Прежде чем дело доходило до ткацкого, на первых порах очень примитивного, станка, нить, шерстяную или льняную (ещё конопляную, крапивную у славян и финно-угорских племён), надо было получить путём длительных манипуляций, особенно если эта нить «выросла на поле», которое полить могла только «небесная» вода, а стало быть, дождь — вода, в представлении наших предков, посланная богом.

Выращенное на поле, политое с «божьей помощью», убранное с людским потом, а затем опять выстиланное для необходимого промокания (костры, кострики, отсюда одно из женских божеств, покровительствовавшее рукоделию, славяне называли Костромой, Кострубонькой), воспринималось как некий волшебный материал, из которого впоследствии выпрядалась нить.

Да и к самому процессу скручивания волокон относились как к магическому процессу, не случайно в мировой мифологии богиня судьбы была пряхой. Именно так представляли в древности космогонию: скручивание, завивание энергий разных стихий, а в результате — получение нового материала, буквально — *сотворение*, потому и *высшую* силу называют *творцом*, и любое творчество мы воспринимаем как некое волшебство, доверенное от природы не каждому...

Но вернёмся к понёве. В древности эта одежда представляла собою просто полосу ткани, которой закрывали бёдра: типичная набедренная повязка! Со временем понёву стали украшать, так возник полосатый орнамент, в символике это «полоса жизни», «дорожка» (жизненная тропа), «время», «судьба». Впоследствии появился клетчатый узор, символизировавший вспаханное поле. Ничего просто так не рисовали, всё непременно указывало на какой-то более глубокий и предметный смысл.

Параллельно напрашивается сравнение с национальной шотландской юбкой. Не правда ли? Отличие лишь в том, что клетчатую юбку в Шотландии носили мужчины. У славян понёва — женская одежда, и не просто женская, а обрядовая одежда замужней женщины либо зрелой девицы.

Этнографы зафиксировали обряд надевания понёвы на свадьбу в разных областях России, есть и примеры «впрыгивания» в понёву, совершавшегося как некий обряд инициации (от лат. *initiatio* — совершение таинств, переход в иную возрастную категорию), но — только в Южной России.

В любом случае понёва мыслилась как оберегающая женское чрево одежда, защищающая от холода, спасающая от дурного глаза, а значит, и от болезней, причём не только хозяйку, носившую эту одежду, но и её будущее дитя.

На понёву нашивали украшения-символы, призванные активизировать детородие,

призвать на помощь добрые силы. И естественно, что яркие орнаментированные понёвы носили молодые женщины в активном детородном возрасте, а поскромнее — зрелые женщины, тёмные же понёвы без орнамента — старухи.

Возрастной фактор в традиционной культуре был очень важным. Вспомните образ пушкинской старухи, так изящно высмеянный поэтом, выразившим отношение народа к героине:

На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчовая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.

Остановимся только на одной детали костюма старухи — её головном уборе, кичке. Известно, что кичку могла носить только молодая женщина, способная к продолжению рода, но никак не старуха (хотя этой старухе-то в пушкинское время, возможно, было лет сорок?!). А кичка, к тому же, могла быть, и чаще всего таковой являлась, рогатой. «Рога» — ещё один символ из эпохи неолита, имевший смысл силы. Рогатые головные уборы надевались у славян на голову молодухи. Но, если вспомнить символику («сила, власть»), станет понятным, почему уборы с рогами известны у викингов и у рыцарей, а не только у русских женщин.

Ещё в XX веке бабушки (те самые, на скамеечках!), хранившие семейную обрядовую одежду в заветных сундучках, совершенно точно знали: по какому поводу и когда что носили и, конечно же, различали платье праздничное и будничное, что совершенно забыли их потомки.

Кстати, что такое традиционная праздничная одежда? Это же целая сфера смыслов! Какие только мифологемы нельзя отыскать в праздничном одеянии наших предков! Тут и мифологема Древа Жизни, и мифологема «путешествующего по мирам» Солнца, и мифологема Матери — Сырой Земли.

Как говорила когда-то искусствовед Е.Г. Яковлева, «человек, надевая на себя праздничную одежду, разговаривал с богом». Иначе говоря, одежда — это средство общения, так же как

слово. В этом и смысл моды: следуя ей, мы избираем некий код, с которым обращаемся к остальным. Надеть красивый костюм, нарядный (обрядный, для обряда) — означало почтить бога или святого, показаться богу, открыть для бога и людей на одеянии вышитую или вытканную молитву, обращение, то есть узор в многообразии его смыслов.

Это сейчас мы не догадываемся, что узоры можно читать. А человек давних времён мог знаки, сложенные в орнамент, не только читать, но и петь! Вот отчего так органично выглядит исполнительница народных, как сейчас принято говорить, аутентичных песен (то есть не обработанных композитором до неузнаваемости) в традиционном наряде. Орнамент — это же изображённая песня, несущая функцию молитвы!

Конечно, от моды всё это далеко. Но она, мода, тоже восходит к истокам народной культуры. И тоже имеет значение фразы, текста, пусть отнюдь не молитвенного.

Традиционная одежда не могла подчиняться моде, она всегда консервативно (в хорошем смысле этого слова) сохраняла накопленный опыт, наработанный тысячелетиями взаимоотношений человека со стихийной природой. Но даже народные костюмы не только несли смысл и символику обрядности, но и осмыслили ситуацию (праздник или будни), возрастные особенности, этнические нюансы, региональные ландшафтные наработки.

Мода в одежде появилась в России с петровских времён, но, конечно, не в крестьянском гардеробе, ориентированном на традиционную культуру. Простолудины сохраняли отношение к миру, быту и своей одежде вплоть до двадцатого века.

А что такое мода? Давайте попробуем разобраться. «Совокупность привычек и вкусов, господствующих в определённой общественной среде в определённое

время» (Словарь С.И. Ожегова). «Франц. mode, от лат. modus — мера, способ, правило... Непрочная, быстропроходящая популярность» (СЭС).

Мода подвержена мутациям и переменам, часто носящим импульсивный характер. Вспомним стихи А.С. Пушкина:

Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде;
Как dandy лондонский одет —
И наконец увидел свет.

То есть не только одежда модная, прикид крутой, но и всё соответствует тому стилю, который вошёл в историю культуры под названием «дендизм». В начале XIX века моду диктовала Англия, отсюда и «dandy» — по-русски, «щёголь, франт, любитель наряжаться».

Высший свет жил по особым законам, один из которых — соблюдение и следование моде во всём, подчинение её прихотям. (А разве сейчас по-иному в нашем «высшем обществе»?)

Кстати, в стихотворном романе, по моим подсчётам, Пушкин 25 раз употребил в разных вариациях слова «мода», «модный», «франт». Даже несмотря на ироничное отношение Пушкина к «свету», «моде», выраженное в «Евгении Онегине» так:

По крайней мере мой совет:
Отстать от моды обветшало.

Это что, антиномия — мода, и вдруг «обветшала»? Общеизвестно, что сам поэт слыл модником. Нам, современным людям, понятно: человек — часть социума, подчиняющаяся его законам. И если мода прошла, она, в отличие от картины мастера или искусного узора, ветшает, воспринимается как анахронизм.

И нужно посмотреть буклеты и модные журналы, прежде чем восторгаться и ветреной модой, не всегда идущей в ногу с гармонией.

Если в XVIII–XIX века мода ещё откликалась на стили, господствующие в архитекту-

ре, живописи, то потом с господством всюду проникающей эклектики в одежде, она стала подчиняться сиюминутным порывам и веяниям, вовсе не украшающим человеческое тело, а иногда даже уродующим здоровье. Так, в начале XX века корсетами утягивались талии модниц, что никак не шло на пользу телесному и душевному состоянию.

Общее увлечение группой «Beatles» в 60–70-е годы XX века привело к популярности одежды, носимой исполнителями этой группы. В моду вошли «битловки» и длинноволосые причёски. И это относилось ко всем, а не только к «битломанам». Между тем формирование «фирменного» стиля одежды у самой группы «Beatles» проходило в поисках. Вот один из примеров:

Кирхерр вскоре стала подругой Сатклиффа, и именно она предложила, правда, в следующий приезд The Beatles в Гамбург, весной 1961 года, новые причёски — волосы, зачёсанные на лоб и уши, а чуть позднее — пиджаки без воротников и лацканов по моде Пьера Кардена (http://ru.wikipedia.org/wiki/Please_Please_Me).

Тем временем наша молодёжь, одевавшаяся «под битлов», не только хотела успевать за ветреницей-модой: это был своеобразный социальный протест против устоев устаревшего общества, уже карикатурного консерватизма, вынужденного разрушаться в новых временных условиях.

В любом социальном контексте одежда не только откликается на время (законы, уклады, мораль), место (ландшафт, климат), обстоятельства (определённый круг людей), но и содержит определённый психологический смысл. Она обозначает устремления и наклонности, содержит коммуникативное обращение, сопоставляет, выделяет, идентифицирует... Были бы наивными попытки как-то обосновать «писки» моды: длину рукавов, цвет брюк, покрой юбок. В некоей иррациональности — притягательность моды. Но о психологии моды — наши следующие беседы... **НО**